

УДК 947.085(471.327)
doi:10.21685/2072-3024-2022-4-5

Пензенская область в годы Великой Отечественной войны: вызовы интеграции

В. Ю. Кладов¹, В. В. Кондрашин², А. А. Гуцин³

¹Пензенский государственный краеведческий музей, Пенза, Россия

²Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

²Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

³Институт регионального развития Пензенской области, Пенза, Россия

¹viktek79@mail.ru, ²vikont37@yandex.ru, ³Alone-87@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность разработки проблемы определяется необходимостью осмысления процесса глокализации – укрепления значения локальной специфики, ее актуализация. Нематериальным фактором экономического роста и развития человеческого потенциала выступает последовательная стратегия формирования региональной идентичности, устойчивого осознания локальным сообществом себя в пределах определенного пространственно-временного континуума. Цель проведения исследования заключается в изучении процессов административно-хозяйственного развития тылового региона в годы Великой Отечественной войны. Принципиальное значение имеет рассмотрение практик повседневности, выявление коммуникативных связей официального и обыденного уровней восприятия происходившего. *Материалы и методы.* Массив исторических источников, привлеченных для анализа, составили документы Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Пензенской области. Исследование выполнено на основе междисциплинарного синтеза методов социологии, истории и культурологии повседневности. Используются методы герменевтики, прежде всего общие подходы к интерпретации исторического источника: понимание общего значения текста и социокультурного контекста с учетом знания хронотопа событий и практик повседневности. *Результаты.* В ходе проведенного исследования была выявлена специфика официальной репрезентации идентичности региона и проведена реконструкция образов экстремальной повседневности в массовом сознании. *Выводы.* Для локального сообщества формирование (восстановление) региональной идентичности (образование Пензенской области как самостоятельного субъекта РСФСР относится к 1939 г.) совпало по времени с началом Великой Отечественной войны, что выступило ключевым фактором, многократно осложнившим этот процесс. Миграционная подвижность, перемещение в Пензенскую область десятков предприятий и свыше 150 000 эвакуированных граждан вкупе с мобилизационными усилиями властей и жесточайшей централизацией управления деформировали привычный фон провинциальной повседневности.

Ключевые слова: Пензенская область, идентичность региона, региональная идентичность, Великая Отечественная война, история повседневности

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015.

Для цитирования: Кладов В. Ю., Кондрашин В. В., Гуцин А. А. Пензенская область в годы Великой Отечественной войны: вызовы интеграции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 79–89. doi:10.21685/2072-3024-2022-4-5

Penza region during the Great Patriotic War: integration challenges

V.Yu. Kladov¹, V.V. Kondrashin², A.A. Gushchin³

¹Penza State Museum of Local History, Penza, Russia

²Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

²Penza State University, Penza, Russia

³Institute of Regional Development of the Penza Region,
Penza, Russia

¹viktek79@mail.ru, ²vikont37@yandex.ru, ³Alone-87@yandex.ru

Abstract. *Background.* The relevance of developing the problem is determined by the need to comprehend the process of glocalization – strengthening the value of local specificity, its actualization. A consistent strategy for the formation of a regional identity, a sustainable awareness of the local community within a certain spatiotemporal continuum is an intangible factor in economic growth and human development. The purpose of the work is to study the processes of administrative and economic development of the rear region during the Great Patriotic War. The consideration of the practices of everyday life, the identification of communication links between the official and everyday levels of perception of what was happening is of fundamental importance. *Materials and methods.* The array of historical sources involved in the analysis was made up of documents from the State Archives of the Russian Federation and the State Archives of Penza region. The study was carried out on the basis of an interdisciplinary synthesis of the methods of sociology, history and cultural studies of everyday life. The methods of hermeneutics are used, first of all, general approaches to the interpretation of a historical source: understanding the general meaning of the text and the socio-cultural context, taking into account the knowledge of the chronotope of events and everyday practices. *Results.* In the course of the study, the specifics of the official representation of the region's identity were revealed and the images of extreme everyday life in the mass consciousness were reconstructed. *Conclusions.* For the local community, the formation (restoration) of a regional identity (the formation of Penza region as an independent subject of the RSFSR dates back to 1939) coincided with the start of the Great Patriotic War, which was a key factor that greatly complicated this process. Migration mobility, the relocation of dozens of enterprises and over 150,000 evacuated citizens to Penza region, coupled with the mobilization efforts of the authorities and the most severe centralization of management, deformed the familiar background of provincial everyday life.

Keywords: Penza region, region identity, regional identity, Great Patriotic War, history of everyday life

Acknowledgments: the research was financed by the RSF grant No. 22-18-20015.

For citation: Kladov V.Yu., Kondrashin V.V., Gushchin A.A. Penza region during the Great Patriotic War: integration challenges. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2022;(4):79–89. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-4-5

Представление Президиума Верховного совета РСФСР о разделении Тамбовской области на Пензенскую область с центром в г. Пензе и Тамбовскую область с центром в г. Тамбове было утверждено Указом Президиума ВС СССР за подписью М. И. Калинина и секретаря Президиума А. Горкина 4 февраля 1939 г. Население смогло ознакомиться с текстом Указа на следующий день после его опубликования в СМИ. Согласно принятому решению,

в состав Пензенской области из Тамбовской области были перечислены г. Пенза и следующие районы: Беднодемьяновский, Наровчатский, Керенский, Нижне-Ломовский, Голицинский, Пачелмский, Головинщинский, Башмаковский, Поимский, Чембарский, Каменский, Свищевский, Телегинский, Кондольский, Мокшанский, Иссинский, Больше-Вьясский, Лунинский, Бессоновский, Городищенский, Шемышейский, Земетчинский, Соседский и Терновский. Кроме того, из Куйбышевской области передавались Николо-Пестровский, Литвиновский, Кузнецкий, Николаевский, Барановский, Неверкинский, Камешкирский районы, а из Саратовской области – Бековский, Даниловский, Колышлейский, Лопатинский, Мало-Сердобинский, Сердобский и Тамалинский районы. В общей сложности в состав региона было включено 38 районов. Областной центр оставался самостоятельной административной единицей, остальные города вошли в состав районов и были подчинены райисполкомам и горсоветам [1, л. 1]. Спустя три месяца статус самостоятельной административно-хозяйственной единицы получает г. Кузнецк по Указу Президиума Верховного совета РСФСР от 16 мая 1939 г. за № 646/306, что предполагало его непосредственное подчинение областным организациям [1, л. 3].

Динамику административно-территориальной регламентации нового субъекта в довоенный период определяли процессы разукрупнения районов и политика активного формирования идентичности региона на основе последовательного разрушения дореволюционной символики и создание новой, связанной в первую очередь с переименованием населенных пунктов в честь героев советской эпохи. Так, Указом Президиума ВС РСФСР от 10 февраля 1940 г. за № 629/9 «Об увековечивании памяти Героя Советского Союза А. Е. Махалина» село Новый Кряжим Кузнецкого района Пензенской области, в котором родился А. Е. Махалин, было переименовано в село Махалино. Ново-Кряжимская средняя школа получила новое наименование – имени Героя советского Союза А. Е. Махалина [1, л. 7].

В 1940 г. в регионе были также переименованы рабочий поселок Литвиново в Сосновоборск и Литвиновский район в Сосновоборский соответственно, а Керенск и Керенский район – в Вадинск и Вадинский район [1, л. 8–9]. Буквально за два месяца до начала войны, 24 апреля 1941 г., были разукрупнены Земетчинский и Вадинский районы и за счет их территории в составе области появился новый район – Салтыковский с центром в с. Салтыково [1, л. 12].

С момента нападения Германии на СССР любые изменения административно-территориального устройства регионов были прерваны. Регламентация процессов административно-хозяйственного развития возобновилась лишь с конца 1943 г. Так, Указом Президиума ВС РСФСР от 2 декабря 1943 г. за № 619 /48 за счет разукрупнения существовавших районов города в Пензе был образован Железнодорожный район. Также в декабре 1943 г. за счет разукрупнения Телегинского, Терновского и Городищенского районов были образованы новые: Кучкинский, Нечаевский и Чаадаевский районы Пензенской области [1, л. 17–18]. 15 июня следующего года был изменен статус Каменки Каменского района: по Указу Президиума ВС РСФСР за № 616/16 населенный пункт был отнесен к категории рабочих поселков [1, л. 22].

Как можно заметить, первые инициативы политического руководства укладываются в процесс формирования «идентичности региона», определяемый как результат планомерной политики институционализации и символизации территориального сообщества. Одним из авторитетов в деле разработки концепции идентичности региона признано считается финский исследователь А. Пааси. Автор предложил модель институционализации региона, включающую четыре стадии: территориальную организацию, символическое оформление, создание институтов, ответственных за формирование самосознания, и, наконец, утверждение в массовом сознании соответствующего комплекса представлений [2, 3].

Частным выражением процесса конструирования идентичности станет наполнение локальной «принадлежности» и репрезентации региона. Одним из первых документов, отразивших аутентичное прочтение значимых индикаторов в представлении местной политической элиты, является «Административная и хозяйственная характеристика Пензенской области», подготовленная 1 августа 1944 г. председателем Облплана В. Грушенковым [4, л. 15–18]. В разделе «административные данные» встречаем характеристику численного состава и территориальной организации населения. К этому времени население региона составило 1 650 984 человека, в том числе 295 124 человека проживало в городах (всего 18 %) и 1 355 860 (82 %) – в сельской местности. При этом в городах областного подчинения проживало: в Пензе (поделенной на четыре района: Южный, Северный, Железнодорожный и Заводской) – 159 776 человек и в Кузнецке – 37 842 человека. В общей сложности административное деление региона представляло собой следующее: два города областного подчинения, шесть городов районного подчинения (Городище, Сердобск, Чембар, Нижний Ломов, Беднодемьяновск), девять рабочих поселков, 40 районов, 791 сельский совет [4, л. 15].

В национальном составе отмечалось преобладание русских (86,8 %). Численность мордвы не превышала 7,8 %, татар – 3,8 %. Остальные национальности в своей совокупности составляли 1,6 %.

«Хозяйственный» портрет региона включал в себя весьма скудное описание «природных богатств», в числе которых первые позиции принадлежали лесам (905 тыс. га), запасам торфа и глине; характеристику сельского хозяйства, промышленности, транспорта, связи; данные о числе культурно-просветительских и социально-бытовых учреждений, учреждений народного образования [4, л. 15–18]. Обращает на себя внимание констатирующий, а не аналитический характер представленных данных, тяготение к заданной форме, шаблонность суждений. По всей вероятности, авторы «характеристики» строго следовали инструкции по подготовке справки для центральных партийных структур и, более того, сознательно обходили острые углы, скрывая нежелательную информацию. Так, мы не обнаружим здесь данных о производстве продукции сельского хозяйства, хотя объем валовой продукции промышленного производства указан. Отдельно перечислены районы, отстающие в развитии сельского хозяйства (16 из 40 районов: Мало-Сердобинский, Поимский, Телегинский, Лопатинский, Свищевский, Сердобский, Даниловский, Мокшанский, Иссинский, Николо-Пестровский, Терновский, Лунинский, Чембарский, Городищенский, Шемышейский, Кондольский) и передовые районы (всего два: Кузнецкий и Соседский). Ситуация объясняется

критическим положением дел в сельском хозяйстве региона, сложившимся к весне 1943 г., что вызвало появление специального постановления ЦК ВКП(б) «О неудовлетворительном руководстве Пензенского обкома ВКП(б) сельским хозяйством» от 1 июня 1943 г. и соответствующего решения пленума Пензенского обкома (25–26 июня 1943 г.) [5, л. 76]. Несмотря на административную встряску к концу сентября, колхозами области было сдано только 18,3 % от плана хлебосдачи (всего в области действовало 1938 колхозов, на которые приходилось до 79 % посевных площадей). В экстренном порядке к уборке урожая в регионе было привлечено до 12 000 бойцов РККА [6, л. 7–9].

В то же время в результате эвакуации самым кардинальным образом изменилась индустриальная основа: перечень крупнейших предприятий отрастил основу будущего оборонного комплекса Пензенской области: заводы № 50, 255 (НКБоеприпасов), № 807, 740, 744, 731, 704, 748, 821 (НКминвооружения), № 163, 472, 353 (НКавиапромышленности). Возросла энерговооруженность пензенских предприятий. В общей сложности к лету 1944 г. в регионе действовало 37 электростанций [4, л. 16 об.].

Характеристика транспортных коммуникаций полностью исчерпывалась описанием железнодорожного сообщения: общая протяженность железных дорог в области составляла 700 км, тогда как, скажем, маршруты автобусных пассажирских перевозок в областном центре охватывали лишь 3 км при отсутствии других видов транспорта (трамвай, троллейбус). Показательно, что в культурном контексте эпохи 19 из 40 районов области считались «глубинными», т.е. не связанными с областным центром железной дорогой.

Заметные успехи были отмечены В. Грушенковым в радиофикации населенных пунктов: на 1 августа 1944 г. количество радиоточек в сельской местности составило 17 016, а в городах – 19 099. Не имел радиоузла только один районный центр – Большая Елань (Кучкинский район). Телефонная связь имела в каждом из районных центров. В то же время телеграфная связь была недоступна в Лопатинском, Даниловском, Нечаевском и Кучкинском районах. Два города – Чембар и Городище – не имели водопровода [4, л. 16 об. – 17 об.]. Описывая отсутствие тех или иных урбанистических признаков, власти констатировали фрагментарность формирования современной инфраструктуры административных центров, объективно фиксируя как низкий стартовый потенциал экономического развития, так и незавершенность реформы районирования в регионе, когда оси интеграции формировались простым волевым решением без учета исторических факторов социокультурного тяготения.

Почти исключительным аспектом анализа параметров советской модерности выступала характеристика результатов развития социальной инфраструктуры, что определяло собой содержание процесса институционализации региональной идентичности и отвечало за трансляцию смыслов и символов новой эпохи. По данным облплана, сеть культурно-просветительских учреждений включала в себя 760 изб-читален, 139 библиотек, 31 дом культуры (ДК), 39 стационарных кинотеатров, 56 кинопередвижек, 5 театров. Отметим при этом, что на 40 районов приходился 31 ДК [4, л. 17]. Медицинскую помощь населению оказывали 78 больниц на 4052 койко-места. Из этого числа 23 учреждения располагались в городах, а 55 – в сельских районах [4, л. 17 об.].

Система учреждений народного образования, по данным на конец 1943–1944 учебного года, была представлена 1782 школами, из них 67 учреждений работали в городе, а 1715 – в сельской местности с числом учащихся 155 291 человек. Наиболее массовым видом была начальная школа: 1342 – в селах и 27 – в городах региона. Кроме того, в области насчитывалось 17 школ фабрично-заводского обучения, 7 ремесленных и одно железнодорожное училище, в которых в порядке мобилизации обучалось 8599 человек. В числе средних профессиональных образовательных учреждений также встречаем 13 техникумов, 5 педучилищ, 2 фельдшерско-акушерских и 1 фармацевтическую школы [4, л. 16 об. – 17 об.].

Высшие учебные заведения располагались в Нижнем Ломове – Учительский институт с числом учащихся 102 человека – и в Пензе – Индустриальный институт (600 учащихся), Педагогический (282 учащихся) и Учительский (246 учащихся) институты. Единственный научно-исследовательский институт – Санитарно-бактериологический – также располагался в областном центре [4, л. 16 об. – 17 об.].

Таким образом, оценивая эффективность политических практик, направленных на формирование идентичности региона, отметим подвижность и незавершенность территориальной организации, но при этом высокую результативность в деле создания институтов, ответственных за символизацию советской модерности и формирование самосознания (особенно в деле развития системы народного образования, процессов радиофикации и кинофикации и пр.). Ключевое, системное значение для социокультурного развития области имели изменения, произошедшие в ходе эвакуационных мероприятий: на территории тылового региона с удобной транспортной доступностью было размещено 87 предприятий, организаций, учреждений и до 150 000 эвакуированных граждан СССР. Это заложило основы формирования комплекса предприятий военно-промышленного комплекса и соответствующей системы подготовки кадров (Индустриальный институт).

Вместе с тем, рассматривая процесс утверждения в массовом сознании комплекса представлений, опосредующих социальный отклик и взаимодействие в заданных коммуникативных системах, необходимо учитывать мощное деструктивное воздействие на массовое сознание и психологию экстремализации повседневности в условиях беспрецедентной по своему характеру войны. Наиболее острой была проблема продовольственного обеспечения. В результате мобилизационных кампаний произошло изменение демографической и социальной структуры населения, резко сократилась энерговооруженность и механизация труда, что привело к сокращению потребления важнейших продуктов питания в советской деревне. Все стратегии адаптации к чрезвычайным условиям военного времени были сфокусированы на решении продовольственной проблемы для каждой отдельно взятой семьи. Фактически произошла натурализация крестьянского хозяйства.

Даже защищенные категории населения испытывали серьезные трудности в снабжении продовольствием и промышленными товарами. Так, в Сердобском районе к маю 1944 г. на учете райотдела гособеспечения состояло 7924 семьи (23 287 человек), в том числе рабочих и служащих – 1785 семей, колхозников – 6139 семей. Ввиду продовольственных затруднений семьи военнослужащих даже в районном центре неделями не получали хлеба,

несмотря на то что для многих нормированное распределение было почти единственным источником получения продовольствия. Обыденную практику военной повседневности можно воспроизвести на примере жизни конкретных семей. В частности, на иждивении А. И. Мещеряковой, проживавшей в г. Сердобске, находилось четверо детей 12, 10, 8 и 2 лет. Муж и два старших сына были призваны в ряды РККА. Вот такая характеристика материально-бытового положения семьи Мещеряковой была составлена в ходе проверки инструктором обкома партии: «Семья в хозяйстве имеет дом (по Первомайской улице № 40), огород 0,2 га, хлеб получает по карточкам по 300 грамм на человека (однако за 5 дней хлеб не выдавали), других продуктов питания не имеет, семья не имеет обуви и одежды, как сама, так и дети» [7, л. 26]. В числе стратегий выживания в условиях войны встречаем трудоустройство женщин, случайные заработки, огородничество: «Полагина Анастасия Степановна – муж на фронте, имеет 3 детей в возрасте 12, 6 и 4 года, работает на Сердобском часовом заводе, получает хлеба 700 грамм, этим хлебом питает своих детей, она посадила картофеля 0,15, семена заработала для своего огорода, т.е. другим копала на огородах землю. Семья имеет очень большую нуждаемость в хлебе, обуви и одежде. Через отдел гособеспечения оказана помощь, выдано ей 10 кг муки». Как отмечали представители областного комитета партии, все семьи военнослужащих испытывали острую нужду в продовольствии. Минимум потребительской корзины в это время выражался самым крайним значением и звучал рефреном в описании положения семей военнослужащих: хлеб, одежда и обувь. В ходе обследования наиболее нуждавшимся была оказана помощь от отдела гособеспечения: «выдано муки 8 кг» и т.п. [7, л. 26–26 об.].

Обеспечение населения продовольствием выступало ключевым вопросом военной повседневности. При этом механизм нормированного распределения продуктов вызывал массу нареканий у населения, оставаясь поводом для беспокойства местных властей на протяжении всей войны. Причиной тому служат объективные условия разбалансированности системы потребления в периоды военных катастроф 1941–1942 гг., падение исполнительской дисциплины и, как следствие, эффективности управления в дополнение к формированию экстремальных стратегий выживания и тиражированию различного рода девиаций. Обыденным явлением становятся хищения продовольствия и другие злоупотребления при его распределении. В итоге в ходе проверок деятельности районных исполкомов и партийных комитетов фиксировались грубые нарушения решений обкома партии по вопросу снабжения населения продовольствием, и прежде всего хлебом. Так, по данным на январь 1944 г., в Башмаковском районе проверка контингента не проводилась, снабжение хлебом осуществлялось по представленным сельсоветах спискам, несмотря на существование запрета, печеный хлеб нередко заменялся зерном, отчеты о расходовании хлеба на местах в райисполком не предоставлялись. В ходе проверки района выяснилось, что до 22 января рабочие и служащие Башмаковской МТС хлеб совершенно не получали. В госпиталь за первые три недели 1944 г. поступило лишь 200 кг хлеба вместо положенных 1500 кг [7, л. 1].

В Каменском районе в январе – феврале 1944 г. райторготдел превысил контингент, установленный облисполкомом, на 1030 человек, в ходе чего

произошло снижение норм учителям, врачам и членам их семей. Вместо ежедневной нормы в 500 грамм работники образования получали 400 грамм, а иждивенцы вместо 150 грамм – всего 100 грамм. Имелись случаи неотоваривания карточек, в частности в Федоровском, Студенецком, Г.-Вражском сельсоветах [7, л. 5]. Снижение установленных по области норм выдачи хлеба было зафиксировано и в Неверкинском районе, где работники МТС, учителя с большими перебоями получали по 400 грамм хлеба, служащие – 300 грамм вместо положенных 400, а иждивенцам в январе – феврале вообще не выдавалось хлеба. Остальные контингенты – семьи военнослужащих, инвалиды отечественной войны – получали карточки, но хлеб по ним не выдавался из месяца в месяц.

В ходе проверки было зафиксировано включение в списки лиц, «не имеющих права на получение хлеба». Так, например, по Донгузлеевскому сельсовету карточки на выдачу хлеба в январе получил С. В. Антипов, к этому моменту призванный в ряды РККА и покинувший место жительства, М. Антипова, имеющая в хозяйстве корову и двух коз, и другие лица, «не имеющие крайней нужды в получении хлеба» [7, л. 31, 32 об.].

Невзирая на существование нормированного распределения и острейшую нехватку хлеба для обеспечения населения, руководство района распоряжалось запасами продовольствия по собственному усмотрению. Так, председатель Неверкинского райисполкома Пудовкин личным указанием разрешил израсходовать без карточек на банкетах по случаю встречи нового года 129 кг муки, выдал отделу гособеспечения для продажи без карточек 200 кг муки, санкционировал выделение на проведение пленума РК ВЛКСМ 20 кг хлеба. Председатель райпотребсоюза Еникеев «по запискам, прямо с пекарни без карточек, только в декабре роздал до 100 кг хлеба разным лицам, даже без указания кому и почему так много». Тексты записок выступают свидетельством криминализации властно-политического регулирования, когда управленческие полномочия низводились до тривиального доступа к распределению продуктов: «Зав. пекарней, отпустите срочно 2 буханки хлеба для столовой бойцам Красной армии» (проверкой было установлено, что столовая хлеба не получала). Председатель сельпо Тренгулов только в феврале 1944 г. роздал «по запискам» свыше 50 кг хлеба. Руководство сельской потребкооперацией был отмечен самым высоким уровнем коррупции в системе распределения. Так, продавец Бигеевского сельпо Р. Х. Агишева при сдаче госпоставок колхозами и колхозниками совершила хищение 12 пудов животного масла, которое впоследствии реализовала на колхозном рынке г. Кузнецка, получив свыше 75 тысяч рублей. Председатель Деминского сельпо М. Х. Сатдаров незаконно «разбазарил» порядка 730 кг хлеба, в том числе присвоил себе 132 кг хлеба. Директор заготконторы райпотребсоюза А. Б. Бибарсов с сентября по декабрь 1943 г. незаконно присвоил себе 9 карточек по 600 грамм хлеба, которые смог отоварить [7, л. 32–32 об.].

Имели место случаи открытого хищения продовольствия из складских помещений колхозов и совхозов области. Так, в колхозе им. Кирова Теряевского сельсовета была совершена кража продовольствия из колхозного амбара. Злоумышленники вывезли 102 кг меда, 32 кг пшеницы, 15 пудов муки и 26 кг растительного масла. Кража была совершена в дневное время суток. Следов взлома обнаружено не было [7, л. 32 об.].

Еще одним признаком грядущего крушения привычного жизненного уклада становится население, эвакуированное из угрожаемых районов. Весьма примечательно, что в восприятии современников произошла стремительная смена понятий: «Вскоре появились первые беженцы или, как их стали называть, эвакуированные» [8, с. 343]. Дело в том, что основной контингент прибывающих в тыловые регионы состоял из работников эвакуируемых предприятий, что и послужило основанием для трансформации понятия и серьезного «уплотнения» жилого фонда Пензы и других населенных пунктов региона. Практики столь масштабной эвакуации не знала до этого времени ни одна страна. Размещение трудовых контингентов, предприятий, установка оборудования проходили в сложных погодных условиях осени – зимы 1941 г. Пожалуй, только привычка к переживанию экстремального бытия, сформированная предыдущими десятилетиями, способствовала скорейшей адаптации советских граждан к новым условиям жизни. Нередко людям приходилось ютиться в палатках, землянках, работать под открытым небом в условиях низких температур по 12–14 часов в сутки. Ценой невероятно напряженных усилий первую военную продукцию предприятия начинали выпускать уже спустя три месяца после начала строительных и монтажных работ.

Теневой стороной героических будней промышленных предприятий становится феномен трудового дезертирства. Указом Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 г. все рабочие и служащие предприятий всех отраслей, обслуживающих военную промышленность, были признаны мобилизованными на весь период войны и закреплены для постоянной работы за теми предприятиями, на которых они работали. Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий стал рассматриваться как дезертирство. Лица, виновные в самовольном уходе (дезертирстве), подлежали суду военного трибунала и карались тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет.

Дезертировало с предприятия в основном сельское население, мобилизованное из районов области и трудовых резервов, что объясняется бытовой неустроенностью новоиспеченных рабочих, вчерашних школьников. Это подтверждается данными статистики: в 1943 г. дезертировали почти все выпускники школ фабрично-заводского обучения, поступившие на завод № 50 им. Фрунзе в г. Пензе. Из общего количества в 3564 дезертира, выявленных в этом году, стаж работы до 1 года имели 2050 человек, остальные проработали на предприятии всего несколько дней или недель. Численность дезертиров в возрасте от 16 до 25 лет составила 2400 человек [9, л. 30 об.]. По своей сути подобный формат дезертирства можно рассматривать как естественную жизненную стратегию выживания в экстремальных условиях. В ряде цехов была организована доставка пищи непосредственно к месту работы, но условия приема пищи попросту отсутствовали, раздача пищи происходила прямо у рабочих мест, «зачастую не в посуду, а клочки бумаги». Фиксировалось также несвоевременное получение рабочими хлеба по карточкам. Размещались мобилизованные рабочие в общежитиях, каковых на заводе имелось 18, в том числе и 4 землянки. В общей сложности в общежитиях в совершенно антисанитарных условиях проживало свыше трех тысяч рабочих [9, л. 30 об. – 31]. Объясняя причины своего дезертирства, заложники экстремальных практик в самых бесхитростных выражениях шаг за шагом воспроизводили этапы маргинализации значительных слоев населения. В их показаниях перед нами

предстает процесс формирования особой поведенческой модели выживания в условиях деградации большинства социальных связей.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что переход из военной повседневности к мирным жизненным практикам был постепенным и растянулся на несколько лет и даже десятилетий. Это объясняется как объективными процессами, ставшими следствием военных потерь и конверсионных программ, условиями восстановительного периода, так и причинами субъективного, психологического характера, когда декомпрессия от снятия напряженности военного ритма жизни вызвала замедление всех социальных функций.

Крайняя степень необеспеченности населения продовольствием и промышленными товарами первой необходимости в 1945 г. фиксируется и в ходе анализа обращений граждан к местным властям, в том числе и в письмах, направленных в региональное периодическое издание «Сталинское знамя». Так, из 154 писем и жалоб, поступивших в газету в июле 1945 г., 103 обращения включали просьбы об оказании материальной помощи (одеждой, обувью, хлебом, в ремонте квартир, назначении пенсий и пособий) [10, л. 72]. Тяготы и лишения военной эпохи, утрата связи с членами семьи, переживания гибели близких послужат основанием для экстремально высокого уровня тревожности массовых настроений, угрожающей стабильности воспроизводства смысло-жизненных ценностей, порождавшей распространение социальной апатии и маргинализации значительных социальных групп.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-385. Оп. 47. Д. 78.
2. Paasi A. Place and region: regional identity in question // *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27, № 4. P. 475–485.
3. Paasi A. The Resurgence of the “Region” and “Regional Identity”: Theoretical Perspectives and Empirical Observations on Regional Dynamics in Europe // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35, iss. S1. P. 121–146.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П-148. Оп. 1. Д. 1099.
5. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 123. Д. 154.
6. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 801.
7. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 1228.
8. Вишневский К. Д. Пенза и пензяки. Воспоминания о довоенных годах. Пенза, 2013. 352 с.
9. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 1211.
10. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 1298.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. A-385. Op. 47. D. 78 = State Archive of the Russian Federation. Fund A-385. Item 47. File 78. (In Russ.)*
2. Paasi A. Place and region: regional identity in question. *Progress in Human Geography*. 2003;27(4):475–485.
3. Paasi A. The Resurgence of the “Region” and “Regional Identity”: Theoretical Perspectives and Empirical Observations on Regional Dynamics in Europe. *Review of International Studies*. 2009;35(S1):121–146.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. P-148. Op. 1. D. 1099 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 1099. (In Russ.)*

5. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 17. Op. 123. D. 154 = Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. Item 123. File 154. (In Russ.)
6. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 801 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 801. (In Russ.)
7. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 1228 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 1228. (In Russ.)
8. Vishnevskiy K.D. *Penza i penzyaki. Vospominaniya o dovoennykh godakh* = Penza and Penza citizens. Memories of the prewar years. Penza, 2013:352. (In Russ.)
9. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 1211 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 1211. (In Russ.)
10. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 1298 = State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 1298. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Виктор Юрьевич Кладов

кандидат исторических наук,
заместитель директора по научной
работе, Пензенский государственный
краеведческий музей (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 73)

E-mail: viktek79@mail.ru

Viktor Yu. Kladov

Candidate of historical sciences,
deputy director for science,
Penza State Museum of Local History
(73 Krasnaya street, Penza, Russia)

Виктор Викторович Кондрашин

доктор исторических наук, профессор,
руководитель Центра экономической
истории, Институт российской истории
Российской академии наук (Россия,
г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19);
заведующий кафедрой истории России
и методики преподавания истории,
главный научный сотрудник,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: vikont37@yandex.ru

Viktor V. Kondrashin

Doctor of historical sciences, professor,
head of the Center of economic history,
Institute of the Russian History
of the Russian Academy of Sciences
(19 Dmitriya Ulyanova street, Moscow,
Russia); head of the sub-department
of the Russian history and methods
of teaching history, principal researcher,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Александр Анатольевич Гуцин

кандидат исторических наук,
директор Центра изучения истории
Пензенского края, Институт
регионального развития Пензенской
области (Россия, г. Пенза, ул. Попова, 40)

E-mail: Alone-87@yandex.ru

Aleksandr A. Gushchin

Candidate of historical sciences,
director of the Center for the study
of the history of Penza Region, Institute
of Regional Development of the Penza
Region (40 Popova street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 22.11.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 06.12.2022

Принята к публикации / Accepted 11.12.2022